

М.В. ТЛОСТАНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ/ VS ПОГРАНИЧНОЕ (СО)ЗНАНИЕ, МЫШЛЕНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

***Аннотация:** В статье предлагается критический анализ и сопоставление сформировавшихся в последние два десятилетия исследований пограничья как новой междисциплинарной области и существовавших на протяжении длительного времени, но актуализировавшихся лишь в эпоху глобализации пограничных (со)знания, мышления, искусства, субъектности. Автор касается этики, эстетики и экзистенциальных измерений пограничья, останавливается на особенностях пространственно-временной трактовки пограничья и его соотношения с маргинализмом. Важное место в работе уделяется попытке определить основные черты пограничной личности, мироощущения и оптики, отталкиваясь и развивая такие понятия, предложенные Ф. Фаноном, У. Дюбуа, Э. Дусселем, В. Миньоло, как люди-проблемы, двойное сознание, экстериторность, эпистемологическое размежевание, деонтологизация и т. д. Автор приходит к выводу, что в XXI столетии пограничный индивид будет, по-видимому, наиболее приспособлен к социальной и культурной реальности стремительно опограничивающегося мира. Тем важнее понять механизмы и логику формирования и функционирования пограничных «я», объединенных по принципу плюральности как различия и одновременно, глобального пограничного сообщества смысла чувства.*

***Abstract:** The article offers a critical comparison of border studies as a relatively new interdisciplinary area that has shaped in the last two decades and the long existent but coming forward in the age of globalization border thinking, consciousness, art and subjectivity. The author touches upon the ethics, aesthetics and existential dimensions of the border, dwells on the temporal and spatial interpretation of the border and its correlation with marginality. Specific attention is paid to a probing definition of the main features of border identity, world perception and optics. Here the author*

Тлостанова Мадина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии РАНХиГС при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: mydina@yandex.ru.

---

starts and departs from such concepts offered earlier by F. Fanon, W. Dubois, E. Dussel, W. Mignolo as problem people, double consciousness, exteriority, epistemic delinking, deontologizing, etc. The author comes to a conclusion that in the 21st century border individuals will be obviously most adapted to social and cultural reality of the world quickly becoming a border. The more important it becomes to understand the mechanisms and the logic of the formation and functioning of border “selves” unified through the principle of plurality in difference and at the same time, a global border “community of sense”.

Ключевые слова: пограничье, пограничные исследования, пограничное сознание, трансмодерность, экстериторность, двойной перевод, люди-проблемы.

Keywords: borderlands, border studies, border consciousness, trans-modernity, exteriority, double translation, problem people.

Изучение и осмысление пограничья успели выдвинуться за последние два десятилетия на одно из ключевых мест в мировой социальной и гуманитарной мысли. Пограничье осмысляется на микро- и макроуровнях, в диахронном и синхронном срезе, в прикладном и в обобщенном смысле. Наиболее очевидное, осязаемое, «географическое» пограничье, как реальная зона контакта двух или более совершенно различных культур или цивилизаций, существовало во все времена, как и деление на естественные и искусственные границы, связанные с государствами, религиями, политическими режимами, «воображаемо-географическими», по терминологии Э. Саида, полями¹ — например, естественно-искусственная граница между Мексикой и Юго-западом США по реке Рио-Гранде или пересечение Атлантики как переход из Старого Света в Новый.

Существует междисциплинарный научный дискурс пограничных исследований или исследований пограничья, выросший поначалу из панамериканского социокультурного контекста, отмеченного асимметричными взаимоотношениями англо-саксонского мейнстрима и одной из наиболее влиятельных и заметных сторон мультикультурного пентагона США — группы «латинос» и прежде всего мексикано-американцев («чиканос»)². Сегодня пограничные исследования вышли за рамки этой ло-

---

¹ Said, E. *Orientalism*. NY: Pantheon, 1978. — P. 54-55.

² Calderón, H. and José David Saldívar, eds. *Criticism in the Borderlands*. Durham: Duke University Press, 1991; Saldívar, J.D. *Border Matters. Remapping American Cultural Studies*. University of California Press, Berkeley & Los Angeles, 1997; Rosaldo, R. *Culture and Truth*. B., 1989; Bromley, R. “Narratives for a New Belonging — Writing in the Borderlands”. // *Cross-Addressing. Resistance Literature and Cultural Borders*. N.Y., 1996. — P. 275-299.

кальной истории в другие пространства (существуют пограничные исследования в Восточной Европе, Африке, Юго-Восточной Азии и т.д.) и превратились в очередную модную путешествующую теорию.

Тем важнее осознавать различие между исследованиями пограничья и самим пограничным сознанием, мышлением и творчеством. Последнее принципиально открыто местным диалектам, не общепринятым грамматикам, методам и лексиконам, живой практике, которая предшествует призывам к теоретизированию и противостоит окостенению. Такая позиция позволяет неожиданные сравнения и использование самых разных аналитических инструментов, заменяя стремление к абсолютному теоретическому господству постоянными взаимобменами и коммуникациями. Она также подвержена опасности превращения в новую путешествующую теорию. И избежать этого можно лишь посредством постоянной саморефлексии и двойной критики. Сама пограничность должна обязательно восприниматься как открытый процесс, а не состояние, причем процесс, в понимании которого крайне важны исторические и политические импликации, дабы он не превратился в очередную пустую оболочку.

Можно вполне говорить о пересечении концептов и понятий пограничных исследований из разных уголков Земли и об осторожном формулировании некоего условно общего набора черт и особенностей, проявляющихся по-разному в разных локальных историях. Транскультурные, междисциплинарные, полифонические исследования пограничья становятся попыткой поиска такой осторожной общности на лишь оформляющихся основаниях. В центре осмысления феномена пограничья лежит стремление понять, существует ли в различных культурах некий общий, не зараженный при этом дискредитированными универсалистскими представлениями адресат, хотя бы на уровне конкретных культурных голосов – индивидуальных скорее, чем групповых, наблюдается ли тенденция к выработке элементов стратегически общей идентичности границы, которая бы перевесила расовые, национальные, сексуальные и иные различия.

Среди таких концептов выделяются, прежде всего, многообразная трактовка «границы» и ее перехода, понятие «рубежа», в том числе и рубежа эпох, трикстерное сознание, гротескно-карнавальная пластичность и магматичность, метаморфоза (превращение) как бесшовное перетекание одной формы в другую. На место континентальной онтологии принадлежности своему и отторжения иного идут иные метафоры со своим эпистемологическим и экзистенциальным потенциалом. Речь идет, в частности, об архипелаге, море, транзите и т.д. Граница является, несомнен-

но, ключевой мета-метафорой в этом ряду³, ведь пространство начинается на границе между двумя людьми, между людьми и теми, кто таковыми не считается, между нелюдьми, а не на континенте или внутри нации. Граница оказывается крайне напряженным местом, раздираемым противоположными тенденциями и служит призмой, через которую воспринимаются время и пространство.

Эсиаба Ироби обращается к морю в качестве новой пространственной фигуры, заменяющей континент для большинства диаспорных народов, а также для специфически островных континуумов, таких как Карибы⁴. Философия моря перекликается с понятием Черной Атлантики, как его сформулировал постколониальный теоретик Пол Гилрой⁵. Черная Атлантика побуждает обратить взоры не к твердой (континентальной или национальной) почве, которая позволила бы укорениться в рамках определенной статичной культуры, а к морю и морскому существованию, к пересечению и транзиту через Атлантику, в результате которого рождаются не фиксированные, а текучие культурные формы. Сама жидкая текстура моря предполагает движение и смешение. И философия моря также обладает этими качествами. Внимание фокусируется на опытах пересечения и нарративах перемещения. Это проблематизирует понимание современного национального государства и капитала в их связи с территорией, с местом, что приводит к необходимости очередного переосмысления понятия культуры как процесса.

Земля и море предполагают различные экологии принадлежности, которые раскрываются в оппозиции между географией и генеалогией. Тогда неподвластные человеку силы океана и коллективное действие существующих в нем подвижно людей, можно воспринимать как альтернативную форму власти, которая порой бросала вызов осуществлению территориальной суверенности. Здесь Черная Атлантика раскрывается в концепциях диаспорной культуры, рассеивания, памяти, идентичности и различия⁶.

Постепенно пограничные исследования покинули привычную модерную логику национальной и континентальной онтологии, увязанной с

---

³ Maldonado-Torres N. "Post-Continental Philosophy: its Definition, Contours and Fundamental Sources", — *Worlds and Knowledges Otherwise*, Volume 1, Dossier 3, Fall 2006, <http://www.jhfc.duke.edu/wko/dossiers/1.3/NMaldonado-Torres.pdf>, p. 8.

⁴ Irobi E. "The Philosophy of the Sea: History, Economics and Reason in the Caribbean Basin", — *Worlds and Knowledges Otherwise*, Volume 1, Dossier 3, Fall 2006, <http://www.jhfc.duke.edu/wko/dossiers/1.3/EIrobi.pdf>.

⁵ Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. Verso, 1993.

⁶ Ibid.

континентальным пониманием пространственно-временного и духовно-ментального единства, заняв постнациональное и постконтинентальное положение и примкнув тем самым к критической альтер-глобалистике.

Это касается тех работ, которые заняты геополитически спорными пространствами, проблемой глобального менеджмента естественных ресурсов, перемещением больших групп мигрантов и связанными с этим трансграничными формами дискриминации и неравенства, формированием пограничного воображаемого, в особенности в творческих формах. Пограничье сегодня живет в междоузлиях, в расиализированных пространствах современного мира, в диаспорах, в миграционных движениях, в так называемых гетто — везде, где вынуждены существовать максимально униженные дегуманизированные субальтеры модерности. Здесь, в этих пространствах исключения, разлома, онтологического обынаковления, маргинализации, по мысли Н. Мальдонадо-Торреса, «основными проблемами становятся вопросы идентичности и освобождения, материальной, символической и эпистемологической деколонизации»⁷ и радикальной гуманизации самого восприятия человека и человечества.

Однако, в большинстве вариантов институализированных пограничных исследований, в каких бы измерениях оно не интерпретировалось (временных, пространственных, ценностных, онтологических), пограничье воспринимается в основном все же описательно и объективистски, извне, в рамках прогрессистской философии истории и науки и в духе «дисциплинарного декаданса» — по мысли афрокарибского философа Луиса Гордона, тревожной тенденции пролиферации дисциплин ради них самих и подмены внимания к реальным человеческим проблемам упованием дисциплинарностью⁸.

Поэтому в наиболее радикальных вариантах пограничного мышления, которые формулируются с позиции самой границы и населяющих ее людей, акцент смещается внутрь пограничного сознания, мышления, познания и творчества и т.д. и делаются попытки определить, что такое пограничный индивид и каково его место во все более опограничиваемом мире, что связано с усилившимися глобальными миграциями и детерриторизацией, в результате которых рождается на свет новое «я» — не связанное с семьей или определенной культурной группой. Нередко это иммигрант, беженец, изгнанник, обесцененная жизнь, лишенная традиционных связей. Тогда пограничность рассматривается как «культурное

---

⁷ Maldonado-Torres N. Introduction. Worlds and Knowledges Otherwise, Volume 1, Dossier 3, Fall 2006, <http://www.jhfc.duke.edu/wko/dossiers/1.3/1.3introarchive.php>

⁸ Gordon L. *Disciplinary Decadence: Living Through in Trying Times*. Boulder, 2006.

головокружение», дезориентация, состояние «после» — после иммиграции, после семьи, после языка, после культуры⁹.

Пограничное мышление и сознание основаны прежде всего на саморефлексивном отказе от моноцентрического субъектно-объектного типа (по)знания, господствовавшего на протяжении последних столетий и легитимированного как подлинно и единственно научный. Позиционирование на пограничье позволяет поставить под сомнение миф модерности, построенный на идее прогресса и развития любой ценой. Риторика модерности выступает действенным средством мифологизации сознания, порождения особой «зачарованности» мифологией модерна, оправдывающей самое себя, исходя из себя же. Место самопровозглашения в случае с модерностью находится внутри самой оцениваемой традиции и связано с эпистемологией нулевой точки отсчета, которая изымает познающего субъекта из мира и превращает этот мир в объект изучения. Необходим сдвиг географии разума с ее западного места и телеологическое откладывание или отсрочка дисциплинарности с ее методологическими претензиями, и попытка сделать метод объектом вопрошания, поставив под сомнение его онтологический статус. Освобождение от дисциплинарного декаданса и деконструкция нулевой точки отсчета лежат в основе критического пограничного сознания, знания, мышления, творчества и теоретизирования в самых разных проявлениях.

Пограничье как локус существования может быть определено и во временном, и в пространственном смыслах как изменчивое взаимодействие традиционного и современного начал и как транскультурационный перевод с языка одной инаковости на язык другой. Оно нередко лишается географической конкретности и переносится по аналогии на самые разные социокультурные модели, в область этнокультурной, гендерной, квир-маргинальности, уходя порой целиком внутрь сознания человека границы, существующего на грани культурной трансгрессии, между культур и времен, среди языков, в состоянии постоянного пересечения границ или даже бытия на границе и в качестве границы, когда она проходит внутри индивида. Осмысление пограничья связано и с проблемой смены культурных парадигм и взаимоотношений центра и границ.

В культурологии векового и тысячелетнего порубежья с ее новым эсхатологизмом, существует интерес к проблеме пограничных эпох, одну из которых мы переживаем сегодня. Важным свойством культурного по-

---

⁹ Gomes-Peña, G. "Documented/Undocumented" // *Multicultural Literacy. Opening the American Mind*. Rick Simonson & Scott Walker eds. Graywolf Press: Saint Paul, 1988. — P. 127-134; Gomes-Peña, G. "The New World (B)order". // *Third Text*. Vol. 21 (winter 1992-3).

границья является амбивалентность, ярче всего проявляющаяся в характеристике ускользающего от определения «пограничного сознания», человека, противостоящего не только безместности, но и новому укоренению в одной, двух или более культурах. «Промежуточность» связывается с концепциями «детерриторизации», предложенными Жилем Делезом и Феликсом Гваттари¹⁰, а пограничье, как символически-пространственный образ, осмысливается через понятие культурной «дислокации», т.е. лишения культурной территории, места «в проеме» — между национальной укорененностью (со стабильной онтологией) и новой безместностью, означенной памятью о лишении корней, которое отмечает собой все чаще социальное и психологическое «беспокойство», лежащие в основе национальной, культурной, этнорасовой идентификации¹¹.

Граница — это еще и нравственный предел, и ее пересечение — отход от нормы. Пограничье отмечено большей объективностью, несконструированностью типичных для его сферы категорий пола, цвета кожи, сексуальной ориентации, социального статуса, в отличие от нравственно-этического, онтологического и эстетического маргинализма, заботящего постмодернистов и других представителей континентальной философии. Здесь речь идет чаще о внутренней инаковости, о себе самом как ином, о собственной субъектности и о европейском бессознательном, а не о вполне реальных иных, легитимность исключения которых не ставится под сомнение. Эти новые субъекты истории, в определенной мере перечеркивают дерридианское понимание инаковости посредством становления.

Пограничье не равно маргинализму как периферийности по отношению к обществу, его культурным, социальным и этическим ценностям, но тесно с ним связано, так что граница между пограничной ценностной сферой и этикой пограничья размыта. Сегодня преобладают позитивные трактовки сознания и самоощущения пограничного человека по принципу невзаимоисключающей многопространственности или фукодианской гетеротопности, как в случае с Алехандро Моралесом¹², попыток из ничего создать нечто, из внеположенности и очуждения в культурном и психологическом смысле сплести новую среду обитания. Это созидательный пафос реэкзистенции как (вос)создания позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения, преодолевающего несовершенство

---

¹⁰ Deleuze, G., Guattari, F. *Capitalisme et Schizofrenie: L'Anti-Oedipe*. P., 1972, Vol. I.

¹¹ Bhabha, H. "On the Irremovable Strangeness of Being Different" // *PMLA*, January 1998. — P. 35.

¹² Morales, A. "Dynamic Identities in Heterotopia" // *Fictional Past, Present, Future Perfect*. Tempe, Arizona: Bilingual Review, 1996. P. 14-27.

ство и несправедливость мира. Это импульс не отрицания, разрушения, а созидания чего-то иного, идущего своим путем, снимающего противоречия мира и его восприятия человеком, по мысли колумбийского культуролога Адольфо Альбана-Акинте¹³.

В отечественной социокультурной рефлексии граница давно стала перегруженным смыслами понятием — это и рубеж, и грань, и межпространственность, которая всегда использовалась в самоопределении российской культуры и ее неразрешенной западно-восточной травмы, а по мысли ряда ученых, ее застревания на границе как временном рубеже. Большинство исследований границы в России основывается на своеобразном культе системности и синтеза, связанном с прогрессистским толкованием истории, как панацеи для всех пограничных культур, которые непременно должны перейти от синкретиза к синтезу, прежде чем смогут успешно проводить экспансию в направлении доминирующих традиций и создавать поле постоянного смыслообразования¹⁴.

В условиях опограничивания мира, превращения его в «креолизованный архипелаг»¹⁵ скорее следовало бы говорить о невозможности и нежелательности полного синтеза и ассимиляции, как это сделали и западные постмодернисты, например Ж. Деррида, утверждавший, что синтез есть «достижение полной тождественности и, следовательно, снятие»¹⁶, и их незападные пограничные эквиваленты. Так, карибский франкофонный философ и поэт Эдуар Глиссан акцентирует не только «право на различие, но и право на непрозрачность, понимаемую не как закрытость внутри непроницаемой автократической культуры, но как утверждение своей особой сущности в рамках неуничтожимой уникальности. Непрозрачности могут взаимодействовать, сосуществовать, сплетаться в разные узоры. Чтобы понять это явление надо сосредоточиться на фактуре сплетения, а не на природе его компонентов»¹⁷. Он утверждает, что современный мир быстро превращается в *хаос-мир*, замешанный на идее непредсказуемости и оппозиции сложностных и целостных форм. Хаос-мир — это не мир в беспорядке, но мир неожиданного, который трудно

---

¹³ Alban Achinte A. *Textiendo textos y saberes. Cinco hijos para pensar los estudios culturales, la colonialidad y la interculturalidad*. Popayán, Editorial Universidad del Cauca, Colección Estudios (Inter)culturales, 2006.

¹⁴ Земсков В. «Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях». — Российский цивилизационный космос. — М.: Эйдос, 1999. С. 240-252.

¹⁵ Lionnet F., Shih Shu-mei, eds. *The Creolization of Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2011, p. 259.

¹⁶ Derrida J. *Dissemination*. Trans. B. Johnson, Chicago: Chicago University Press, 1981. P. 212-213.

¹⁷ Glissant E. *Poetics of Relation*. trans. B. Wing. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1997.

принять, поскольку мы боимся неизвестного¹⁸. Попытка представить себе мир как хаос-мир даст нам доступ к пока не получившим должного внимания областям человеческой мысли – странствующей, заблуждающейся, номадической, отказывающейся от линейности и каузальности. Это и будут пограничные мышление и модус познания.

По-прежнему редко встречаются попытки понять, почему Россия как граница развивалась иначе и почему сегодня, когда весь мир празднует поразительную способность границ к смыслообразованию, российская пограничность оказывается не в силах генерировать новые смыслы, и интерпретирует свою собственную пограничность чаще негативно, как что-то, что следует преодолеть и перешагнуть на пути к модернизации, постиндустриальному обществу и другим мифам современности. Этот клубок проблем связан не столько с цивилизационной или культурной стороной пограничья как такового в универсалистском смысле высококолобой и отвлеченной теории или в сугубо описательном историко-культурном разрезе, сколько с историей современности и ее темной стороны – колониальности, что позволяет рассматривать российскую пограничность через призму имперского различия специфически двудикой подчиненной империи.

В лейтмотивах пограничных дескрипций выделяется идея культурного перевода и непереводаемости, ведь важное свойство пограничья – постоянное переключение культурных, понятийных, языковых кодов и дискурсов. Явление культурного «перевода» или непереводаемости понятий одной культуры на язык другой, оказывается особенно наглядным, выражаясь в активном пересоздании языка, в полилингвизме, в повсеместной стилевой избыточности и диалоге форм и моделей, взятых из разнородных и часто, на первый взгляд, взаимоисключающих источников. В отечественной традиции в этом смысле интересны размышления Ю.М. Лотмана на эту тему, а в остальном мире – Валтера Беньямина¹⁹ или уже сравнительно недавно – Хоми Бабы²⁰.

Лотман утверждал, что границы являются пространством интенсивной семиотизации и метафорического перевода-трансформации, где часто и обильно генерируются новые тексты и смыслы. В «Семиосфере» он назвал амбивалентные полилингвистические границы самыми горячими точками семиотизации и своеобразными переводящими механизма-

---

¹⁸ Lionnet F., Shih Shu-mei, eds. *The Creolization of Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2011, p. 260.

¹⁹ Benjamin W. "The Task of the Translator" // *Illuminations*, trans. H. Zohn, L.: Cape, 1986.

²⁰ Bhabha H. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994.

ми, трансформирующими чужие тексты с тем, чтобы они могли быть поняты в нормативном языке определенной культуры и вместе с тем остались в достаточной мере «чужими». Без этого необходимого элемента различия культурный диалог был бы бессмысленным, а при абсолютном различии он стал бы невозможным²¹. Сегодня именно поиск иного, а не сходства, привлекает культуры и людей друг к другу, хотя инаковость становится ходовым товаром, присваивается, искажается и нивелируется, а тот же пограничный мыслитель оказывается новым вариантом интеллектуального товара из колониальной лавки.

В случае с пограничным (со)знанием можно говорить о специфическом двунаправленном культурном переводе, который, по словам Миньоло и Чиуи, меняет направление транскультурационных процессов, отличавшееся неизменно асимметрией, однонаправленностью и жесткой иерархичностью²². В двунаправленном же переводе с позиции колониального различия происходит встречное движение в двух направлениях. Например, в случае в мексиканскими сапатистами, это транскультурация марксизма, анархизма, феминизма через философию, историю и космологию коренных народов и наоборот. Обе позиции маргинализируются глобальными законами и замыслами неолиберального мира и процесс двойного перевода в данном случае является прежде всего откликом на господствующие дискурсы государства, провозглашающего неолиберальные принципы. Вместо прежнего асимметричного перевода возникает двойной перевод как более сложное и многонаправленное движение — мерцание, диалог различных имперских и колониальных языков, которые уже не приравниваются к нации, потому что происходит процесс транскультурации, разрушающий дихотомию нации и иного, на которой строилась история Нового времени.

Но что же дальше? Что делать после констатации мысли о потенциальной плодотворности пограничья? Вероятно, обратиться к локальным историям, неизменно и неизбежно отмеченным глобальной колониальностью как постоянной культивацией и поддержанием эпистемологической и онтологической несвободы. Эти истории и этот геополитический и телесно-политический опыт и генерируют собственно пограничное сознание, мышление, искусство. Сама теория культуры в этом смысле также должна стать опограниченной, отмеченной всесторонним разви-

---

²¹ Лотман Ю. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2000. С. 262.

²² Mignolo W., Freya Schiwy. Transcultural and the Colonial Difference: Double Translation. — *Translation and Ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding*. Tuscon, 2003. pp. 3-29.

тием взаимонаправленного, взаимосоотносимого и взаимопересекающегося критического подхода, принимающего во внимание изнанку модерности — колониальность.

Пограничное мышление становится интертекстуально обусловленной дискурсивной практикой, а не самостоятельным дистанцированным от жизни и мира утверждением автономности думающего субъекта. Отсюда и формулировка Валтера Миньоло: «Я там, откуда я мыслю»²³. Он подчеркивает эпистемологические измерения колониального различия или «цвет разума» как важнейшую категорию создаваемой сегодня пограничной теории как теории границы. Важно не путать призыв к эпистемологическому разнообразию и демократии с неразборчивым релятивизмом, который не интересуется важнейшим вопросом о том, как именно формировались иерархические универсалистские структуры знания. Миньоло переосмысляет картезианскую формулу «я мыслю, следовательно, я существую» в свой пограничный вариант, в котором биография, география и знание неразделимы, а на место универсальности приходит плюриверсальность.

Важнейшей задачей тогда является деколонизация теории и метода, подготавливающая радикальный интеллектуальный поворот. Перефразируя слова Дюбуа вслед за Энтони Богсом, можно сказать, что проблемой XXI в. станет не просто линия, отделяющая один цвет кожи от другого, а проблема эпистемологического рубежа, который, однако, не отменяет и не заменяет рубежа цвета кожи²⁴. Они просто относятся к разным сферам реальности, но сегодня мы наблюдаем сдвиг, при котором эпистемологические границы ставятся под сомнение с рубежей цвета кожи, гендера и сексуальности. Речь идет о проблеме не просто расового, а эпистемологического водораздела. В тот момент, когда мы проблематизируем линию этого водораздела с позиции цвета ли кожи, гендера или сексуальности, и рождается особое пограничное мышление — на разломе и в форме эпистемологического сдвига.

Семиотическое высказывание в данном случае будет находиться не в дисциплинах, а вырастать из самого опыта рождения и становления в неразрывной связи с западным изобретением дихотомии модерности и традиции, то есть, из экстерииорности. Это понятие было введено Э. Ле-

---

²³ Mignolo W.D. "I am where I Think: Remapping the Order of Knowing" // Lionnet F., Shih Shu-mei, eds. *The Creolization of Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2011, pp. 159-192.

²⁴ Bogue A. 'C.L.R. James and W.E.B. Du Bois: Heresy, Double Consciousness and Revisionist Histories', in *Black Heretics, Black Prophets. Radical Political Intellectuals*, Oxford: Blackwell, 2003, pp. 69-94.

винасом и переосмыслено Энрике Дусселем²⁵. Экстериорность есть буквально внешность по отношению к тотальности. Она не является сферой чистой внешности, абсолютной сферой «вовне», не затронутой модерностью. Понятие экстериорности не предполагает онтологической внешности, но касается внешнего, которое представлено и организовано в качестве различия доминирующим дискурсом. Экстериорность как философский синоним пограничья — это сфера извне, созданная изнутри и отмеченная двойным или пограничным сознанием и утверждением эпистемологических прав иного и его неповиновения правилам, в соответствии с которыми он отнесен к сфере «традиции» как темного иного модерна.

Пограничная позиция отмечена динамической двойной критикой как этнонациональных, так и глобалистских тенденций. Речь идет о балансировании между модерностью и трансмодерностью, как преодолением модерна. Пограничное сознание не ищет аутентичного примордиалистского прошлого, а привлекает внимание к тому, как и для чего модернность изобретала традицию. Это и есть суть пограничной позиции экстериорности. Она может быть проиллюстрирована словами пограничного философа, поэта, писателя, осмысляющего онтологию пограничья, чиканы-квир-теоретика Глории Ансальдуа: «Чтобы выжить на пограничье, надо жить без границ и быть перекрестком»²⁶.

Пограничье — это особая субъектность и самоощущение того, кто не пересекает или преодолевает границы, не рассуждает о них с некой отстраненной псевдообъективной позиции наблюдателя, вынуженного из мира, но сам и есть граница, потому что живет внутри разлома пограничья. Это третье время-пространство, особое место, где, по словам Г. Ансальдуа, третий и первый мир «постоянно трутся друг о друга» и «кровоточат, пока не родится нечто новое»²⁷, означенное дефисом, который может быть не границей абсолютного разделения, но воображаемым мостом, т.е. образом объединяющим²⁸.

Это незаживающая рана между светлой и темной сторонами модерна/колониальности (*una herida abierta*, как называет это Ансальдуа), состояние перемирия между мировым Севером и Югом, по словам другого интереснейшего «пограничника» — чилийско-американского писа-

---

²⁵ Dussel E. World System and “Trans”-Modernity// *Nepantla. Views from South*. No 3.2, 2002, pp. 221-244.

²⁶ Anzaldúa, G. *Borderlands/ La Frontera. The New Mestiza*. San Francisco, 1987.

²⁷ *Ibid.*, p. i.

²⁸ Moraga, Ch. & Gloria Anzaldúa, eds. *This Bridge Called my Back*. N.Y. 1983

теля и борца за гражданские права Ариэля Дорфмана, сознание, что твой дом в Атлантике, между Европой, Африкой и Новым Светом или вовсе в аэропорту, как признается еще один интереснейший представитель пограничной эстетики англокарибский писатель Кэрил Филлипс, граница как дом, лаборатория, министерство культуры и контркультуры, где возможно общение на равных, по словам мексикано-американского художника Гильермо Гомеса-Пеньи, пограничное путешествие по мирам других людей с любовью, связанное с неагрессивным восприятием другого, с абсолютной пластичностью играющего, свободно и играючи переходящего от одной миромодели к другой, в интерпретации аргентино-американского философа Марии Лугонес²⁹.

Пограничье – вечное мерцание включения и исключения, замешанных на неснимаемой противоречивости и вечной неготовности. Не случайно, размышляя о метаморфности пограничья, о его вечно становящейся природе, культуролог Р. Росальдо описывает «зоны культурного пограничья как находящиеся в постоянном движении, а не застывшие для инспекции»³⁰. Гибридность отличает и сам номадический дискурс границы, находящийся в вечном пути к «транзитному залу ожидания культуры», как описал современную глобальную культурную нестабильность антрополог Дж. Клиффорд³¹. Из подобных метафор вырастают особое пограничное сознание, гнозис, творчество, ракурс видения – не там и не здесь, или и там и здесь, и где-то еще, в русле конъюнктивной логики.

Подобное позиционирование всегда полнее и сложнее отражает реальность, чем любая монокультурная и монологическая позиция, поскольку основывается на плюритопической (полипространственной), а не монотопической гбдамеровской герменевтике. Оно связано с принципом не-исключающей дуальности, который можно обнаружить не только в полисемантической логике, но и во многих космологиях коренных народов. Важнейший импульс здесь состоит в *превосхождении* в экзистенциальном или дзен-буддистском смысле (преодолении любых стандартов смысла и ощущения), в *трансценденции* в кантовском смысле, и в трансмодерном *размежевании* в деколониальном смысле. Но после размежевания субъект нуждается в том, чтобы установить новые связи с кем-то или чем-то и здесь-то как раз противостояние уступает место реэкзистенции.

---

²⁹ Lugones, M. "Playfulness, World-Travelling and Loving Perception. // *The Woman That I Am*. Ed. D.S. Madison, N.Y., 1994. – P. 626-638.

³⁰ Rosaldo, R. *Culture and Truth*. B., 1989, p. 217.

³¹ Clifford, J. "The Transit Lounge of Culture" // *Times Literary Supplement*. May 5, 1991. p. 1-3.

Экзистенциальное измерение пограничья, быть может, самое важное. Ведь оно в наиболее заостренной форме выражает различие опыта и субъектности существа, всегда лишаемого субъектности в господствующей современной-постмодерной-альтермодерной парадигме и воспринимавшегося «как проблема», если воспользоваться яркой метафорой афроамериканского социального философа Уильяма Дюбуа, автора книги «Души черных людей»³², строившейся во внутренней полемике с гегелевской диалектикой раба и хозяина. Невозможно привыкнуть к бытию в качестве проблемы, а не человека, сталкивающегося с проблемами, ведь подобное негативное, внутренне противоречивое бытие не дает возможности самосознания, но лишь позволяет увидеть себя глазами людей другого мира. А это взгляд, преисполненный презрения и жалости.

Луис Гордон предлагает разграничивать вопросы о том, что значит *быть* проблемой и что значит *иметь* проблемы. Отделение смысла (значения) от бытия позволяет поставить под сомнение легитимность оценочных категорий, замешанных на расовой матрице мира. Вслед за Ф. Фаноном — еще одним вдохновителем пограничного мышления, Гордон отвергает диалектику признания и разделяет мысль о том, что поиск белого признания ведет к зависимости от белого мира. Воспринимая расизм как отказ видеть человеческое начало в другом, Гордон подчеркивает, что при этом другой все равно остается человеком и следовательно, расизм противоречит реальности и пытается развоплотить, парадоксально придавая определенным людям черты неполноценности путем прочной связи их (ир)рациональности с определенной телесностью.

Знакомые философские проблемы формулируются в рамках пограничного (со)знания с позиции тех, кого Ф. Фанон назвал «проклятыми землями»³³ — людьми с отложенной субъектностью. Поэтому вместо знакомого нейтрально-универсалистского вопроса западной философии — «что значит быть человеком?», задается дьюбозианский вопрос — «что значит быть проблемой?»; вместо вопроса о том, «как изучать объект, который одновременно является субъектом, проводящим исследование?», спрашивается, «как понимать и изучать людей, чья принадлежность к человеческому роду систематически ставится под сомнение?»

---

³² Du Bois W.E.B. *The Souls of Black Folk*. New York: Bantam Classic, 1903.

³³ Фанон Ф. Отрывки из книги «Весь мир голодных и рабов» // Антология современного анархизма и левого радикализма. Т. 2. М., 2003. С. 15-78.

³⁴ Maldonado Torres N. On the Coloniality of Being: Contributions to the Development of a Concept // *Cultural Studies*. V. 21, No 2-3, March/May 2007, p. 252.

Подобный «мизантропический скептицизм»³⁴ приводит и приводит к совершенно особому самоощущению, которое нельзя описать в терминах континентальной философии, к негативной субъектности, существующей вопреки, к болезненным попыткам осмыслить опыт людей, низведенных до статуса *anthropos*, лишенных права считаться *humanitas*, ставившихся собственностью, этническим мусором, частью мира природы; людей, чьи идентичности, знания и даже само существование постоянно ставились под сомнение, чьи локальные истории намеренно стирались как часть замалчиваемой темной стороны модерности.

В рамках пограничного модуса мышления и познания задается вопрос, что значит *не быть* проблемой, какие социальные силы нужны для подобной трансформации и какие модели рефлексии необходимы для формулирования таких возможностей. Эпистемологическое измерение двойного сознания возникает потому, что иной осознает, что сфера разворачивания истины гораздо шире, чем то, что готов признать и увидеть претендующий на универсальность белый мир. Двойное сознание имеет важный феноменологический смысл, в котором на первый план выводится проблема восприятия. В диалектике двойного сознания сливается самовосприятие господствующего общества (доминирующая реальность) и учет его противоречий (субалтерная реальность).

Фаноновские проклятые отвоевывают свое существование у мира дегуманизации и выстраивают пути к другой реальности. Анализируя модусы (само)обмана в мире колониальности, они стремятся к тому, чтобы построить мир, управляемый иным гуманизмом как гуманизмом другого, отличным от европейского гуманизма и антигуманизма. В этом гуманизме проклятый — это и свое и чужое, и я и другой. В этой принципиальной незавершенности запускается радикальный критический механизм пограничного мышления, в процессе которого постоянно рождаются новые определения и понятия. Подобная философия выступает в роли связующего звена между Севером и Югом и ее можно назвать вслед за Н. Мальдонадо-Торресом, «эпистемологическим койотизмом»³⁵.

Расколотое пространство пограничья, проблематизирующее принадлежность иного к любому континенту или нации, а значит, и к человечеству — в рамках современной парадигмы, порождает особое расколотое место высказывания. Пограничная личность становится пространством, противоположным разуму, неотъемлемым и конститутивным субальте-

---

³⁵ Maldonado-Torres N. "Post-Continental Philosophy: its Definition, Contours and Fundamental Sources", — *Worlds and Knowledges Otherwise*, Volume 1, Dossier 3, Fall 2006, <http://www.jhfc.duke.edu/wko/dossiers/1.3/NMaldonado-Torres.pdf>, p. 16.

ром европейца. Она ставит под сомнение онтологическое единство континентов как основы бытия и выдвигает на первый план задачу материального, символического и эпистемологического освобождения. Его основания прослеживаются не к аллегорической пещере Платона, а к конкретной реальности, где живут проклятые модерностью.

Пограничное (со)знание можно осмыслить через понятие трансмодерности, предложенное Э. Дусселем. Это не постмодерность и не альтермодерность в духе французского теоретика современного искусства Николя Буррио, а мышление и восприятие мира, вырастающие из пространства и из самоощущения ранее загубленных возможностей внешних и внутренних *иных* западной модерности – от мигрантов до коренных народов, от второсортных граждан до «варваров», как своего рода потусторонность, творчески преодолевающая проект модерна.

Пространство этих подавленных западной модерностью возможностей отвечает на брошенный ею вызов по-разному и в результате рождается реальность плодотворного момента трансмодерности, в противовес постмодерности, которая лишь является одним из видов западной модерности или современной всеядно-универсалистской альтермодерности, замешанной на идее новой глобальной гомогенной культуры, отмеченной усилением и упрощением контактов, путешествий, миграций, переводов, субтитров и следующей бессовестно ею присвоенным и выхолощенным лозунгам транзитности и креолизации.

Трансмодерность – открытая утопия, которая относится к тому, чего еще не существует, что находится в процессе создания. Здесь результат не известен заранее, мы не можем найти такую модель в истории и пойти по легкому пути доказательства легитимности реально существующего или существовавшего. Трансмодерность – эпистемологическое и онтологическое место пребывания иного, это и есть пространство границы, в котором экстериторность обретает видимость. В тот момент, когда другой глядит в глаза своего, понимая, что он был изобретением этого своего и что он оправдывал свое создание сферы вовне модерности как места, которое модерность уничтожала или покоряла, когда субъект осознает, что свой его сделал иным, чтобы доминировать и совершать насилие во имя модерности, именно тогда и возникает транс-модерность как иное пространство мышления и действия. Оно будет уже не модерное, а именно транс-модерное, идущее в обход и по ту сторону модерности.

Конечно, размежеваться с модерностью и ее риторикой, не имея реального доступа к принятию решений, сложно, если не попытаться изменить прежние формы участия и сдвинуться к другим – виртуальным, духовным, эстетическим практикам, к социальным движениям снизу,

которые медленно изменили бы сознание. Практиковать критическое пограничное мышление значит выходить за пределы категорий, навязанных западной эпистемологией. При этом не происходит простой смены одной (западной) эпистемологии другой или другими.

Все модели продолжают существовать и остаются жизнеспособными в качестве источников и мишеней критики. Это соответствует принципам «сапатистов», в которых нет места идее соревновательности и где есть идея сосуществования и взаимодействия множества миров, существующих бок о бок, но не связанных иерархическими отношениями. Вместо этого они организуют свою жизнь в соответствии с динамическим обращением к установкам паритетности и равноценности, а не эгалитарности, к дуальности, в которой, однако, бинарные оппозиции носят не взаимоисключающий характер, отсутствует необходимость в индивидуации (здесь особую роль играет категория интересубъективности в языке тохолабаль), по-особому понимается партиципаторная демократия, основанная на коллективной субъектности (лозунг «управляя, мы подчиняемся») и т.д.

В основе такого пограничного (со)знания лежит плюральность как различие, генерирующая совершенно иные субъектности, другую чувствительность и другие сети взаимодействия и альтернативные узловые смычки. Поэтому важно видеть, замечать и культивировать подобные пограничные трикстерные сообщества вкуса и смысла на самых разных уровнях, что может оказаться наиболее эффективным в процессе освобождения знания, бытия и чувствования от мифов и ограничений модерности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2000.
2. Фанон Ф. Отрывки из книги «Весь мир голодных и рабов» // Антология современного анархизма и левого радикализма. Т. 2. М., 2003. С. 15-78.
3. Alban Achinte A. *Textiendo textos y saberes. Cinco hijos para pensar los estudios culturales, la colonialidad y la interculturalidad*. Popayán, Editorial Universidad del Cauca, Colección Estudios (Inter)culturales, 2006.
4. Anzaldúa, G. *Borderlands/ La Frontera. The New Mestiza*. San Francisco, 1987.
5. Bhabha H. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994.
6. Bogue A. 'C.L.R. James and W.E.B. Du Bois: Heresy, Double Consciousness and Revisionist Histories', in *Black Heretics, Black Prophets. Radical Political Intellectuals*, Oxford: Blackwell, 2003, pp. 69-94.
7. Calderyn, H. and José David Saldívar, eds. *Criticism in the Borderlands*. Durham: Duke University Press, 1991.
8. Du Bois W.E.B. *The Souls of Black Folk*. New York: Bantam Classic, 1903.
9. Dussel E. World System and "Trans"-Modernity// *Nepantla. Views from South*. No 3.2, 2002, pp. 221-244.

10. Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*, Verso, 1993.
11. Glissant E. *Poetics of Relation*. trans. B. Wing. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1997.
12. Gomes-Редa, G. "The New World (B)order". // *Third Text*. Vol. 21 (winter 1992-3).
12. Lugones, M. "Playfulness, World-Travelling and Loving Perception. // *The Woman That I Am*. Ed. D.S. Madison, N.Y., 1994. – P. 626-638.
13. Maldonado-Torres N. "Post-Continental Philosophy: its Definition, Contours and Fundamental Sources", – *Worlds and Knowledges Otherwise*, Volume 1, Dossier 3, Fall 2006, <http://www.jhfc.duke.edu/wko/dossiers/1.3/NMaldonado-Torres.pdf>
14. Mignolo W.D. "I am where I Think: Remapping the Order of Knowing" // Lionnet F., Shih Shu-mei, eds. *The Creolization of Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2011, pp. 159-192.
15. Moraga, Ch. & Gloria Anzaldúa, eds. *This Bridge Called my Back*. N.Y. 1983.
16. Saldivar, J.D. *Border Matters. Remapping American Cultural Studies*. University of California Press, Berkeley & Los Angeles, 1997.